Хицун Игорь Андреевич

Солдаты клялись отомстить за потерянную ножку

До войны мы жили в Лигово. Мама работала электросварщицей на заводе им. Жданова, отец служил на Балтфлоте.

Когда началась война, мне не было еще трех лет. По словам мамы, никому в страшном сне не могло привидеться, что враг дойдет до Ленинграда, Москвы и Волги. В связи с военным положением, рабочие не подлежали эвакуации – так мы остались в городе. Помню, мы отсиживались в какой-то землянке, была сильная стрельба, сверху посвистывали пули. Взрослые разъясняли, что пули, которые слышны, - не опасны, они уже пролетели… Нас увидел военный, стал ругать и прогонять из зоны боя. До рассвета пошли по шоссе в сторону города (сейчас это проспект Жукова), видели сгоревшие машины и убитых солдат. Возле трамвайного парка начался сильный обстрел и мы долго сидели в подвале кирпичного дома (он цел и сейчас). В дальнейшем при «отсидках» в убежище я предусмотрительно имел целый карман оловянных солдатиков...

Сначала мы с мамой жили на ул. Шкапина в темной, холодной комнате с «буржуйкой» и заколоченным окном. К зиме перебрались к маминой сестре – она работала дворником и имела казенную площадь. Это была отдельная квартира (!) на первом этаже в доме у Нарвских ворот (сейчас там на брандмауэре рабочий с флагом). Наискосок за дворцом культуры им. Горького стояли зенитки и при стрельбе был слышен громкий сухой треск. Когда подрос, то при налетах высовывался из подъезда смотреть на самолеты и однажды видел, как сбили самолет.

Как-то мама пообещала купить много хлеба, когда прогонят фашистов. И вот после отбоя воздушной тревоги я кричу: «Мама! Иди скорее в булочную – фашистов прогнали!»

Тетушка Шура отводила меня в очаг (так называли детсады) на ул. Тракторная. Однажды по пути домой на каких-то задворках мы собирали крапиву, лебеду, и наткнулись на труп, завернутый в простыню. Тетушка почему-то очень испугалась и мы долго бежали.

Зима пришла очень рано, а в мой День рождения объявили норму хлеба для иждивенцев – 125 грамм. В тот роковой день (начало июля 1942 года) дети были на прогулке, когда за мной пришла тетушка Шура, и вдруг начался обстрел. Стреляли из Стрельны или с Вороньей горы. Был сильный грохот разрывов и крики. Все побежали в здание, Шура тащила меня за руку и сердилась, что я еле волокусь, а я не мог ступить на левую ногу. Оказалось – ранение в ногу осколком снаряда. Потом помню долгую поездку в тряской санитарной машине до больницы им. Раухфуса. Дальше помню очень мало, мама говорила, что было несколько наркозов. Тяжело раненых детей спасали в первую очередь. У меня началась гангрена, и ногу ампутировали выше колена. Нужна была кровь, мама отдала, сколько могла, потом долго отлеживалась и еле добралась домой.

Скоро начал сознавать свое увечье и стал докучать врачам, когда же они сделают мне новую ножку, как обещали? Сколько пробыл в больнице, не знаю, но в сентябре уже был опубликован мой снимок военкора Николая Хандогина. Видимо, с этого снимка и были сделаны листовки (одна есть в музее обороны). У Нарвских ворот был последний привал солдат перед окопами, у нас тоже квартировали солдаты, и однажды боец достает эту листовку и говорит: «Так это правда! А я думал, это агитка!» Действительно, печать плохая, и фото похоже на рисунок.

Уходили они ночью, и мама говорила, что у моей кровати клялись отомстить – и отомстили! После войны мы еще долго ждали, что кто-нибудь из них зайдет, но так и не дождались…

С костылями в детсад уже не ходил, сидел дома один, все больше у окна. Шура, уходя, внушала, чтобы при объявлении тревоги я прятался за печку (в комнате была большая круглая печь). Я так и делал, а однажды я там уснул, а мама пришла с работы раньше Шуры – обыскала всю квартиру и чуть с ума не сошла. А надо сказать, что во дворе, по слухам, жили людоеды – у их двери иногда очень вкусно пахло. Из блокадных лакомств, кстати, конечно, помнится «дуранда» - зелено-серые плитки, их можно было долго слюнявить, сосать, грызть и это заглушало чувство голода.

«Новую» ногу – протез – мне сделали только в 1947 году, а до этого я гонял к восторгу прохожих на трехколесном велике вдоль дворца им. Горького – там был широкий тротуар. В день снятия блокады у Нарвских ворот был грохот орудий – счастливый грохот – грандиозный салют!

В школу пошел с опозданием на год. Фотографию, где я на костылях, порвал на мелкие клочки. Очень обижался, когда мамочки, показывая на меня, говорили: «Вот, мальчик не слушался – и попал под трамвай!»